

Исследования

ВЯЧЕСЛАВ САВАТЕЕВ

«По путям-дорогам фронтовым...»

(Писатели в годы Великой Отечественной войны)

Я счастлива, что жила в эти годы
и видела события, которым не было
равных.

А. Ахматова

1.

С первых же дней войны писатели активно включились в борьбу с врагом*. Их голоса взволнованно и гневно зазвучали со страниц газет, по радио, на митингах. В статьях, выступлениях писатели выражали возмущение вероломством фашистской Германии, свою искреннюю убежденность в нашей победе, призывали отдать все силы для защиты Родины, писали и говорили о патриотизме, обращались к отечественной истории, к славным боевым традициям русского оружия.

Поистине всенародное признание получили первые же песни того времени; особую популярность приобрела одна из них — «Священная война» на слова В. Лебедева-Кумача (музыка А. Александрова), она звучала как торжественная клятва, как воинский приказ:

...Вставай, страна огромная.
Вставай на смертный бой...

В первые же дни войны в армию были призваны десятки и сотни литераторов, которые были направлены в ТАСС, Информбюро,

---

* Уже на второй день войны в Союзе писателей прошел митинг, в котором приняли участие А. Фадеев, П. Павленко, В. Лебедев-Кумач, К. Тренев, В. Луговской, А. Сурков и многие другие.

в газеты. Как известно, должность «писатель» была введена в штатное расписание многих военных газет. Как и другие военные журналисты, они стремились рассказывать о происходящем на фронте оперативно, доходчиво. В материалах, публиковавшихся в газетах, рассказывалось о примерах героизма наших солдат и офицеров, их мужестве, самоотверженности, о зверствах фашистов, о деятельности партизан в тылу врага и т. д.

Тематика, форма публикаций определялась ходом военных событий, ситуацией, которая складывалась в разное время на тех или иных участках борьбы с врагом. Многие писатели были награждены за свою работу орденами и медалями.

Вопросы идеологической работы, в том числе деятельности печати, неоднократно рассматривались на заседаниях Оргбюро и Секретариата ЦК ВКП(б). В своей работе партийные органы руководствовались установками, изложенными в Директивах СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г. В ЦК совместно с Главным управлением Рабоче-крестьянской армии (ГлавПУРКА) периодически проводились совещания с редакторами центральных газет («Правда», «Известия», «Труд», «Комсомольская правда», «Красная звезда», «Советский патриот» и др.), теоретических и общественно-политических журналов («Большевик», «Партийное строительство», «Пропагандист», «Огонек»). В своих письмах ЦК ставил задачи и указывал на недостатки в работе отдельных изданий. Повседневное руководство средствами массовой информации осуществлялось Управлением агитации и пропаганды ЦК ВКП(б). С осени 1942 года систематически созывались межреспубликанские, межобластные и др. совещания по проблемам агитации и пропаганды.

Война потребовала перестройки печати в связи с новыми требованиями. Некоторые газеты были закрыты, другие объединены (например, газеты «Советское искусство» и «Литературная газета» были объединены в газету «Литература и искусство»). Число центральных газет уменьшилось более чем вдвое¹. Одновременно был создан ряд новых изданий, прежде всего военного профиля. Важная роль в информационной и пропагандистской работе среди населения отводилась созданной службе Совинформбюро*.

Серьезной перестройке подверглась и работа Союза писателей, который возглавляли А. Фадеев (1941–1944) и Н. Тихонов (1944–1945). С первых же дней творческий союз занимался мобилизацией литераторов на борьбу с врагом. Была организована военная переподготовка писателей, отправка их на фронт, в газеты. Многие руководители Союза писателей также в течение войны находились

* Совинформбюро было образовано 24 июня 1941 года при СНК под руководством секретаря ЦК ВКП(б) А. С. Щербакова.

на различных фронтах (об этом подробнее будет сказано ниже). В работе Союза писателей были возрождены традиции ЛОКАФ. Главное внимание уделялось военной тематике. Совместно с Главным Политическим управлением РККА была создана Оборонная комиссия*.

Союзом писателей, местными писательскими организациями проводились творческие вечера, выступления перед слушателями, обсуждение новых произведений; издавались тематические сборники, книги и т. д. Трудно переоценить значение подобных мероприятий для того времени.

В военные годы периодически проводились совещания и дискуссии по актуальным проблемам развития литературы. Так, в 1942 году в Свердловске состоялась Юбилейная сессия Академии наук СССР, на которой выступил А. Толстой с докладом «Четверть века советской литературы». В марте 1943 года в Москве было организовано совещание на тему «Художественная литература Отечественной войны». В 1944 году состоялся пленум правления Союза писателей, на котором выступил Н. Тихонов с докладом «Советская литература перед новым подъемом». По инициативе творческого союза отмечались культурно-исторические события, юбилеи (А. Чехова, А. Грибоедова и др.).

Писатели принимали активное участие в общественно-политических мероприятиях (митинги, судебные процессы и т. д.). Некоторые из них выступали с патриотическими починами, отдавали свои средства на военные нужды (М. Шолохов, А. Толстой и др.). И это лишь часть той многообразной деятельности, которую проводил Союз писателей в труднейших условиях войны. Разумеется, были в работе творческого союза и недостатки, о которых говорилось на совещаниях, пленумах, в выступлениях писателей.

2.

В первые же дни войны многие писатели ушли на фронт**. В столице появились первые беженцы-писатели из оккупированных немцами республик — Белоруссии, Прибалтики. Столица оказалась прифронтовым городом, в нем было введено осадное положение. Оборона Москвы поручалась Г. К. Жукову.

* В Ленинграде работала Оперативная группа писателей при Политуправлении Балтийского фронта под руководством В. Вишневского (1941–1943).

** Сразу уехали на фронт: В. Ставский, Е. Петров, И. Уткин, В. Вишневский, В. Гроссман, К. Симонов, А. Твардовский, А. Сурков, С. Кирсанов и др. Вскоре пришли и первые известия о гибели некоторых из них (Ю. Крымов, А. Гайдар и др.).

Союз писателей не прекращал своей работы, он стал своеобразным боевым штабом. Здесь всегда можно было увидеть Александра Фадеева, который занимался самыми различными делами, прежде всего, вопросами эвакуации писателей из Москвы.

С началом войны резко изменилась жизнь и быт писателей. В обиход входили военные термины, ранее непривычные слова: «ополченцы», «эвакуация», «бомбоубежище», «дружинник»... Для писателей, не пригодных к фронтовой службе, были созданы специальные курсы для изучения оружия*. Писатели своим словом старались внушить читателям веру в победу, неизбежный разгром немцев под Москвой.

25 июня 1941 года Леонид Леонов писал в газете «Красный флот»: «Москва — громадная летопись, в которой уместилась вся история народа русского. Здесь созревало наше национальное самосознание. Здесь каждая улица хранит воспоминания о замечательных людях, прославивших землю Русскую. Здесь были встречены и развеяны во прах многие бедствия, которыми история испытывала монолитную прочность Русского государства»². Михаил Шолохов сразу после начала войны обратился к вешенцам, идущим на фронт, со страниц газеты «Большевистский Дон» (26.6.41). В его словах — память об исторических победах русского народа, вера в правоту нашего дела: «Со времен татарского ига русский народ никогда не был побежденным, и в этой отечественной войне он непременно выйдет победителем...»³. М. Шолохов отправляет телеграмму на имя маршала Советского Союза С. К. Тимошенко: «Прошу зачислить в фонд обороны СССР присужденную мне Сталинскую премию первой степени. По Вашему зову в любой момент готов стать в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии и до последней капли крови защищать социалистическую Родину... Полковой комиссар запаса РККА писатель Михаил Шолохов»^{**}.

В начале июля в газете «Правда» Шолохов печатает свои первые статьи и очерки о войне. В очерке «На Дону» («Правда», 4.07.41) один из старых казаков готов вместе со своим сыном идти на фронт — «громить фашистскую сволочь, так же, как двадцать лет назад громили мы сволочь белогвардейскую»⁴. Живые впечатления, яркие детали и диалоги содержатся в очерке «В станице Вешенской» («Правда», 5.07.41), здесь казаки готовы «сменить вилы на винтовку».

Вскоре появились очерки Шолохова «На Смоленском направлении» («Красная звезда», 29.08.41), «Гнусность», «По пути к фронту»,

* В одной из таких групп занимались К. Федин, Л. Леонов, Б. Пастернак, некоторые другие московские писатели.

** Телеграмма впервые была опубликована в газете «Большевистский Дон» от 26 июня 1941 года.

«Первые встречи», «Люди Красной Армии», «Военнопленные» и другие. В их основе — живые впечатления, сценки, диалоги с казаками, бойцами и офицерами нашей армии. Писатель рассказывает о страданиях и героизме русских людей, о человеконенавистнической идеологии фашизма, о фактах распада и разложения вражеской армии.

Характерной особенностью публицистики Шолохова являлась не только четкость и определенность авторской позиции, но и ясность взгляда, наблюдательность, стремление представить как общий смысл событий, так и выразительные, живописные детали, частности; при этом в центре внимания писателя всегда находится рядовой человек на войне, с его насущными заботами и проблемами: «...мы находимся в расположении одной из частей нашего резерва. Совсем недавно эти люди были в бою, а сейчас около землянки вполголоса наигрывает гармошка, человек двадцать красноармейцев стоят, собравшись в круг, весело смеются, а посередине круга выхаживает молодой коренастый красноармеец... Он лениво шевелит крутыми плечами, и на лопатках его зеленой гимнастерки отчетливо белеют соляные пятна засохшего пота» («На пути к фронту»)⁵. Шолохов и в немцах-военнопленных пытается разглядеть прежде всего людей, понять мотивы их поведения; так, один из них говорит: «Я крестьянин. Мобилизован в июле. За два месяца войны я вдоволь насмотрелся на произведенные нашей армией разрушения, на брошенные поля, на все, что сделали мы, идя на восток...» («Военнопленные» — «Правда» 2.11.41)⁶. Писателя обнадеживает, что у этого немца есть «хорошее раздумье».

Константин Федин в первое время оставался в Москве, продолжал работать: выступал в парке культуры, председательствовал на вечере, выступал по радио и писал, писал — хотя новости с фронта приходили пугающие и не располагали к спокойной работе. 13 июля 1941 года в «Литературной газете» была опубликована его первая статья на военную тему — «Долг». В том же месяце К. Федин побывал в Мордовии в лагере для военнопленных немцев; это помогло ему создать ряд произведений, в которых он размышлял о природе фашизма, его зверином облике, о своей вере в победу. Об этом его очерки «Признания пленных немцев», «Рабы Гитлера» и др. К. Федин написал также статью в коллективный сборник московских писателей «Москва на вахте» — о защите столицы.

Федин напряженно следил за событиями на фронте, особенно тяжело он переживал трагедию ленинградской блокады. В это время он продолжал свою работу над второй книгой «Горький среди нас»; к счастью, материалы для этой работы ему удалось сохранить, хотя большой архив, библиотека были уничтожены*. «Вчера ездил

* Позже эта книга К. Фебина получит критическую оценку на собрании писателей.

на дачу, — писал Федин жене. — Кроме стен, там не осталось ничего. Но и стены — что за стены!!! Бесследно, до последнего листка исчез мой архив, все мои книги, бесследно исчезла вся утварь и “быт”⁷.

Алексей Толстой — еще один представитель старшего поколения писателей — закончил свою трилогию «Хождение по мукам» в день начала войны — 22 июня 1941 года*. Всю войну он не прекращал активную и плодотворную работу: писал статьи, выступал в печати, перед слушателями и читателями, давал интервью. Уже 26 июня в газете «Правда» появляется его статья «Что мы защищаем», в которой он разоблачает фашизм, говорит о славных традициях нашего народа, находит яркие слова, убеждающие в неотвратимости нашей победы. В ноябре 1941 года в «Правде» и «Красной звезде» одновременно была опубликована его статья «Родина», а 11 января 1942 года в «Красной звезде» — «Фашисты в Ясной Поляне» (впервые под заглавием «Отрубить им руки!»). Уже будучи в Куйбышеве А. Толстой слушает 7-ю симфонию Шостаковича и пишет статью «На репетиции седьмой симфонии Шостаковича» («Правда», 16.02.42). Его статьи, очерки, рассказы регулярно печатались в различных изданиях. Выходили отдельные сборники его статей — «“Блиц-криг” или “блиц-крах”» (1941), «Немецкие орды будут разгромлены» (1942), «Я призываю к ненависти» (1942) и другие.

Активная публицистическая деятельность с первых же дней войны была характерна для Ильи Эренбурга**. «В годы войны я думал и чувствовал, как все мои соотечественники», — писал он в книге «Люди, годы, жизнь»⁸. «Почти каждый день мне приходилось выступать — то в гостиницах для раненых, то у зенитчиков или у аэрофотостатчиков. Я видел много горя и много мужества. Народ как-то сразу вырос, люди сражались, трудились, умирали с сознанием, что гибнут не зря: тростник мыслит»⁹.

Всю войну И. Эренбург был корреспондентом «Красной звезды», сотрудничал с «Правдой», «Известиями», другими газетами***. Летом 1942 года была напечатана статья «Оправдание ненависти», в которой прозвучал «кровожадный» призыв: «Убей немца!» «Наша ненависть к гитлеровцам продиктована любовью к родине, к человеку, к человечеству. В этом сила нашей ненависти. В этом и ее оправдание». Противник обвинял писателя в патологической ненависти

* В марте 1943 года за нее писателю была присуждена Сталинская премия 1-й степени.

** «Никогда в жизни я так много не работал, писал по три-четыре статьи в день...», — признавался И. Эренбург позже.

*** И. Эренбург вспоминал годы спустя: «Я сидел и писал, писал ежедневно в “Красную звезду”, писал для “Правды”, для ПУРа, в английские и американские газеты. Я хотел поехать на фронт, редакция меня не отпускала» («Люди, годы, жизнь»... С. 285).

к немцам вообще, утверждая, что он призывает азиатские народы «пить кровь немецких женщин»*. Чуть ли не ежедневно он выступал по радио, много писал для Америки, Англии, других зарубежных стран**. Об этом времени он писал: «Обычно война приносит с собой ножницы цензуры; а у нас в первые полтора года войны писатели чувствовали себя куда свободнее, чем прежде»¹⁰.

Семья Эренбурга была эвакуирована в Куйбышев, сам писатель жил в Москве: «Жил я в гостинице “Москва”... жил как в раю... тепло, светло», — вспоминал он позже¹¹. В 1942 году Оренбург дописал роман «Падение Парижа», а в следующем году получил за него Сталинскую премию. При этом он был убежден, что во время войны важнее было «не создавать литературу, а ее отстоять — язык, народ, землю». Он продолжал заниматься «неблагодарной работой» — писал статьи, очерки, корреспонденции.

В 1943 году работать стало труднее. Возобновились «проработки» писателей (И. Сельвинского, М. Зощенко, К. Чуковского, А. Платонова, К. Паустовского, других). В конце 1943 года И. Эренбург совместно с В. Гроссманом начал работу над «Черной книгой» — о преступлениях фашизма, массовом уничтожении евреев. Однако работа закончена не была.

«Я твердо верил, что после победы все сразу изменится...»¹², — писал Оренбург, признаваясь в своей «наивности» и «слепоте». Но и позже, уже после войны, он был убежден, что «как ни была страшна и жестока война, она остается в наших воспоминаниях не падением, а взлетом...»¹³.

Свой вклад в общую борьбу с врагом вносили и другие писатели. «Я работаю все там же, — сообщал Всеволод Иванов своей жене в начале июля 1941, — в Радио-комитете, в “Известиях” и в Советском Информационном бюро. Работы много». Его материалы передаются и за границу, в Америку¹⁴. Несмотря на наши потери, он не сомневается: «...что касается Москвы, то она побьет врага...» У него сгорела дача с уникальной библиотекой, но больше всего он переживает за исчезнувший чемодан с рукописями, который, к счастью, позже нашелся.

О немалых трудностях, которые пришлось пережить писателям в годы войны, особенно в первые годы, писала Лидия Сейфуллина (в письме Вс. Иванову и его жене в августе 1942 года из Москвы):

* См.: *Эренбург И.* Люди, годы, жизнь... С. 252. В этой же книге автор писал: «Гитлеровцы часто писали обо мне, говорили, что я толстый, косо, с кривым носом, что я очень кровожаден...» (Указ. соч. Т. 2. С. 251).

** Из воспоминаний И. Эренбурга: «Щербаков сказал, что я должен ежедневно писать для Запада» (С. 236). Он признается, что постоянно получал указания «сверху» от Щербакова, иногда лично от Сталина.

«Много бед испытала за время войны наша семья... Звери гитлеровские разбомбили теплоход, на который погрузили в Крыму их госпиталь для эвакуации... Я работаю много, но неприметно... Я еле выкручиваюсь на свой заработок. Поэтому пишу для заграницы в Совинформбюро и Иностранной секции радио и безымянные листовки. Ездил в Муром Горьковской области... Там читала лекции на курсах усовершенствования командного состава..., потом на фронт...»¹⁵.

...Шел всего третий месяц войны, когда свои счета с жизнью свела Марина Цветаева. Ее гибель явилась завершением личной трагедии поэта, — трагедии, в которой соединились и творческие, и бытовые проблемы, оказавшиеся для Цветаевой неразрешимыми. Это явилось символическим предвестием тех непостижимых тягот и утрат, которые выпали на долю народа, творческой интеллигенции, чьи судьбы оказались тесно связанными, неразрывными...

Другой, с не менее драматичной судьбой, поэтессе — Анне Ахматовой довелось испытать первые месяцы ленинградской блокады, В июле 1941 года она написала стихотворение «Клятва»:

Мы детям клянемся, клянемся могилам,
Что нас покориться никто не заставит!

Ольга Берггольц вспоминала об Ахматовой: «С лицом, замкнутым в суровости и гневности, с противогазом через плечо, она несла дежурство как рядовой боец противовоздушной обороны. Она шила мешки для песка, которыми обкладывали траншеи-убежища...»¹⁶.

Борис Пастернак (в заметке «Мои новые переводы», опубликованной в журнале «Огонек, 1942, № 47), писал, что война прервала его работу над переводом «Ромео и Джульетта» и отныне «все на свете приобщилось к войне»¹⁷. «Я дежурил в ночи бомбардировок на крыше двенадцатиэтажного дома, — свидетель двух фугасных попаданий в это здание в одно из моих дежурств, — рыл блиндаж у себя за городом и проходил курсы военного обучения...», — писал Пастернак. Для него особенно важно было в эти дни ощущать себя не отдельно, а вместе со всеми... «...Я не жалею о своем существовании, — признавался он в одном из писем, — потому что люблю трудную судьбу и не выношу безделья... Я делаю все, что делают другие, и ни от чего не отказываюсь: вошел в пожарную оборону, принимаю участие в обучении строю и стрельбе; ты видела, что я писал в начале войны для газеты: такое же простое, здоровое и содержательное и все остальное...»¹⁸. «Приобщение к войне» — это и любовь к «трудной судьбе», которая выпала всему народу, и желание делать все, «что делают другие», и, может быть, главное — это намерение

писать только «простое, здоровое и содержательное». В искренности этих слов нет оснований сомневаться.

До октября 1941 года Пастернак оставался в Москве. По его письмам, которые он регулярно писал жене, можно проследить не только бытовые трудности, которые испытывал в то время поэт, но и его внутреннее состояние, восприятие происходящих вокруг него и в мире событий*.

В августе в очередном письме жене он сообщал: «...Я опять стал зарабатывать лишь в последнее время... Хочу писать пьесу и вчера подал заявку об этом в Комитет по делам искусств». Тут же, впрочем, он добавляет: «Меня раздражает все еще сохраняющийся трафарет в литературе, в делах печати и т. д. Нельзя после того, как люди нюхнули порошу и смерти, посмотрели в глаза опасности, прошли по краю бездны и прочее, выдерживать их на той же безотрадной малосодержательности...»¹⁹. Мы видим, что его творческие планы и замыслы оказываются неотрывными от размышлений о необходимости новых подходов в литературе, повышению требовательности к ее качеству.

Он пишет стихи, печатает их в периодике, хотя с публикацией нередко возникают трудности... «Я очень многое видел и перенес», — пишет он О. Фрейденберг (18 июня 1942). Он подает заявку на написание пьесы «В советском городе», говорит о попытке показать «тождество русского и социалистического как главный и самый содержательный факт первой половины XX столетия всемирной истории». Он хочет «дать выражение советскости как таковой, как простейшей душевной очевидности...» И тут же добавляет: «пьеса будет написана по-новому свободно»²⁰. И здесь мы опять видим искреннее желание поэта быть, как другие, написать «нужную», полезную пьесу, как он это понимает; однако намерение написать эту пьесу «по-новому свободно» вступает в противоречие с замыслом, и пьеса окажется неудачной.

Да, война была нелегким испытанием для писателей, как и для всего народа. Но, как ни парадоксально, она была и таким временем, которое при всех тяготах и лишениях, заставило писателей лучше почувствовать свою кровную, органичную связь с народом, его судьбой, невольно помогло преодолеть внутренние трудности,

* Здесь не в последнюю очередь видна забота о материальном обеспечении, о заработках, о работе не только «для себя», которая не прекращалась весь период войны, но и «для хлеба», по заказам газет и издательств, театров. Как сообщает его сын, Пастернак уговаривал М. Цветаеву не покидать Москву, «так как Москва была источником договоров и заработка и сам он не мог себе позволить отрываться от нее» (*Пастернак Е.* Указ. соч. С. 552–553).

кризисные состояния, открыла новые горизонты для творчества. Об этом — и не раз — говорили сами писатели.

3.

16 октября 1941 года было принято решение об эвакуации Москвы. Многие писатели вынуждены были на время покинуть столицу и переехать в Чистополь, Ташкент, Куйбышев и другие города страны. Но и там они не прекращали свою работу.

В Чистополе было создано местное отделение Союза писателей, его председателем был избран К. Федин, в правление также вошли Н. Асеев, М. Исаковский, Б. Пастернак и другие известные писатели.

К. Федин, как и другие литераторы, постоянно выезжал из Чистополя в дальние командировки — в поисках материала для работы над своими произведениями, в первую очередь над статьями и очерками на военные темы.

Он живо откликался на различные события. В 1942 году Федин пишет пьесу («Испытание»), рассказы, которые печатались в газетах, читались по радио (в частности, рассказ «Мальчик из Семлева»).

Активное участие в работе чистопольской организации Союза писателей принимал Л. Леонов. Его статьи и очерки также регулярно появлялись на страницах центральной печати, в литературных изданиях, передавались через Совинформбюро, по радио. Тематика их была чрезвычайно разнообразна. Так, 10 октября 1942 г. газета «Литература и искусство» опубликовала статью Леонова «Ленинградцы» (позже названную «Документы, сделанные кистью») — о выставке ленинградских художников в Москве: «...эти вещи (картины. — В. С.) сделаны в нетопленной комнате с выбитыми окнами, завешенными ковром, — писал Леонов. — Они написаны красками, которые не высохли, а затвердели от мороза, при копилках. Нужно было подолгу отогревать руки над подобием очага, чтобы они стали способны нанести очередной мазок. Это писали люди, предельно истощенные недоеданием, порою неизлечимо больные страшной болезнью блокады, имя ее — дистрофия»²¹.

В августе 1942 года Леонов написал письмо «Неизвестному американскому другу» — для американского радио, оно передавалось через Совинформбюро; позже появилось второе письмо*. «Скажи тем, которые думают пересидеть в своих убежищах, что они не уцелеют. Война войдет к ним и возьмет их за горло, как и тебя. Она превратит в щепень все, чем ты гордился в твоих городах, развеет пеплом создания твоих искусств, в каменную муку обратит твои

* Впервые это письмо было опубликовано в журнале «Знамя». 1943, № 9–10.

святыни. Едкая гарь еще не ест тебе твои глаза?» — спрашивал писатель в первом письме и продолжал: «...скажи сомневающемуся соседу, что война ворвется к нему в щель, выволочит за волосы жену его и детей его передует у него на глазах. Оглянись на Белоруссию, Югославию, Украину. Если там девушек, не достигших совершеннолетия, гонят кнутом в солдатские бордели, почему же они думают, что Гитлер пощадит их мать, сестру или дочь? Если русских и еврейских детей он кидает в печь, или пробует на них остроту штыка, или проверяет меткость своего автомата, — какая сила сможет защитить твоего ребенка от зверя?..»²² Свое письмо Леонов заканчивал сомнением: «Я опускаю это письмо в почтовый ящик мира. Дойдет ли оно?» Но в нем звучала и надежда.

Второе письмо американскому другу писатель начинает рассказом о немецком «изобретении» по уничтожению людей — «душегубках». И на этом фоне еще более ярко и настойчиво звучит мысль о необходимости скорейшего открытия второго фронта, с которым медлили наши американские союзники: «Я не умею разгадать логику зреющего в недрах ваших генеральных штабов великого плана разрушения фашизма. Я простой человек, который пишет черным по белому для миллионов своего народа. Может быть, я не прав, но только мне всегда казалось, что злодей, который в цинковой коробке травит окисью углерода пятилетнюю девочку, заслуживает немедленного удара не в пятку, а в грудь и лицо. Конечно, все дороги ведут в Рим, все же кратчайшее расстояние между двумя точками есть прямая...». Эмоциональное напряжение, которым пронизано все письмо, не спадает и в самом конце: «Из затемненной Москвы я отчетливо вижу твое жилище, стол, за которым ты сидишь. Тебе подает ужин жена, и пятилетняя дочка на твоих коленях торопится поведать о событиях дня... Поцелуй свою милую дочку и расскажи ей про русского солдата, который в эту самую ночь, сквозь смерть и грохот, в одиночку и по Эвклидовой прямой, движется на запад — за всех маленьких в мире!»²³

Как трудную, но и счастливую пору своей жизни оценивал годы эвакуации в Чистополе Борис Пастернак; здесь он также продолжал много работать. Он признавался в одном из своих писем: «...Я прожил эту зиму (1941–1942 гг. — В. С.) счастливо и с ощущением счастья среди лишений и в средоточии самого дремучего дикарства, благодаря единомыслию, установившемуся между мной, Фединым, Асеевым, а также Леоновым и Трениным...»²⁴. В это время продолжают ставить переведенные им пьесы, печатают стихи, статьи; он испытывает подъем, чувствует себя нужным людям. «Трагический тяжелый период войны был живым периодом и в этом отношении вольным, радостным возвращением чувства общности со всеми», — напишет поэт уже после войны.

Рядом с Пастернаком — его друзья по литературе. Это помогает ему в жизни, творчестве. Так, в одном из его писем читаем (письмо из Чистополя в Ташкент): «Смело держится и интересно работает Асеев. К. А. (Федин. — В. С.) пишет дальше свою книгу о Горьком... Мы устраиваем по средам литературные собрания. Федин открыл их чтением своей книги, прошедшим с огромным успехом. На них с бесподобным блеском выступает Леонов... иногда позволяю говорить себе и я»²⁵.

И лишь иногда как бы мимоходом в письме вдруг мелькнет «проза» жизни: «здесь становится голодноовато...»

«Мужество» и «клятва» — вот два ключевых слова, которые звучат в эти годы в поэзии А. Ахматовой. В феврале 1942 года ею было написано знаменитое стихотворение «Мужество» —

И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!

«До мая 1944 года, — писала Ахматова, — я жила в Ташкенте, жадно ловила вести о Ленинграде, о фронте. Как и другие поэты, читала стихи раненым бойцам. В Ташкенте я впервые узнала, что такое в палящую жару древесная тень и звук воды. А еще я узнала, что такое человеческая доброта: в Ташкенте я много и тяжело болела...»²⁶.

Один из очевидцев говорил об Ахматовой в годы войны: «Она не просто верила в конечную победу. Она знала о том, что победа будет. И ждала ее, когда у иных уже истощилось терпение»²⁷. Позже в заметке «Коротко о себе» (1965) А. Ахматова писала: «Я не переставала писать стихи. Для меня в них — связь моя с временем, с новой жизнью моего народа. Когда я писала их, я жила теми ритмами, которые звучали в героической истории моей страны. Я счастлива, что жила в эти годы и видела события, которым не было равных»²⁸.

В годы войны она продолжала работать над «Поэмой без героя». В ней нашли свое отражение личные переживания Ахматовой военного лихолетья, ее патриотизм, широта исторического взгляда. В предисловии к поэме она писала: «Я посвящаю эту поэму памяти ее первых слушателей — моих друзей и сограждан, погибших в Ле-

* Еще из письма Б. Пастернака от 8 апреля 1942 года: «Леонов прочел нам новую замечательную пьесу, неподдельную и захватывающую почти на всем протяжении, кроме обычного и немного казенного конца...» (См.: *Иванова Т. Мои современники... С. 414*).

нинграде во время осады. Их голоса я слышу и вспоминаю их, когда читаю поэму вслух, и этот тайный хор стал для меня навсегда оправданием этой вещи»^{*29}.

Как и А. Ахматова, Вс. Иванов в 1941–1942 гг. с семьей жил в эвакуации в Ташкенте. «...мы жили той же тяжелой эвакуационной жизнью, что и наши друзья в Чистополе, Свердловске и других городах...», — напишет позже Т. Иванова, жена писателя³⁰. В 1942 году писатель вернулся в Москву^{**}.

В годы эвакуации не снижал своей творческой активности и Алексей Толстой. Он нередко выступал перед различными аудиториями по самым разным вопросам. Так, в 1942 году Толстой произнес вступительное слово на антифашистском митинге работников искусства и литературы в Колонном зале в Москве, а 9 мая 1943 года выступил с приветствием Третьему Всеславянскому митингу в Москве.

В ноябре 1942 года в Свердловске на юбилейной сессии Академии наук, посвященной 25-летию Октября, А. Толстой сделал доклад «Четверть века советской литературы». Доклад был опубликован в газете «Литература и искусство» (26.12.42), а также в журналах «Новый мир» и «Под знаменем марксизма».

В докладе А. Толстой сделал попытку в сжатом виде представить процесс развития советской литературы за 25 лет^{***}. Одно из последних своих выступлений (в военной академии в Москве) писатель

* В ноябре 1943 года Ахматова дописывает к поэме «Вместо предисловия»: «До меня доходят слухи о нелепых истолкованиях “Поэмы без героя”. И кто-то даже советует сделать мне поэму более понятной. Я воздержусь от этого. Никаких третьих, седьмых и двадцать девятых смыслов поэма не содержит. Ни изменять, ни объяснять ее я не буду...» (Ахматова А. Избранное. М., 1974. С. 414).

** В одном из писем детям Вс. Иванов сообщал о некоторых деталях быта, характерных для того времени, в частности, о так называемых «литерных обедах» для писателей, «...всю Москву сейчас кормят капустой, вернее, капустными листьями <...> клуб писателей пахнет капустой, как крестьянская изба... Я — литерный, но мамка (т. е. жена. — В. С.) — отнюдь. Я сегодня получил мясную котлету, две картофельных и суп, который украшала кость какого-то животного. У мамки не было ни картофельных котлет, ни кости, и, тем более, мясной котлетки. У нее просто был суп с капустой и немного печенки, тоже с капустой» (Т. Иванова. Мои современники... С. 142.).

*** В своем докладе А. Толстой ссылался на 12-томную «Историю русской литературы», которая готовилась Институтом мировой литературы им. Горького и в работе над которой принимал участие писатель. Интересно, что примерно в это же время (1942–1943 гг.) была написана книга очерков Иванова-Разумника «Писательские судьбы» (посмертно вышла в Нью-Йорке в 1951 году). Ее автор делил советских писателей на «погибших» (Н. Гумилев и др.), «задушенных» (Е. Замятин, А. Ахматова) и «приспособившихся» (А. Толстой, А. Чапыгин и др.). (См.: Сб. «Возвращение». Выпуск 1. М., 1991).

посвятил теме работы над языком в литературе («Слово есть мышление»), в которой поделился собственным опытом и «тайнами» художественного мастерства, рассказал о своих творческих планах.

Михаилу Пришвину было 68 лет, когда началась война. Самые трудные ее годы (1942–1943) он провел в «ближней эвакуации» — в деревне Усолье, что под Переславлем (Ярославская область)*. С первых же дней войны у писателя «является надежда» на нашу победу. В своем дневнике, который он не прекращал вести десятилетие за десятилетием, год за годом, день за днем, в том числе и в годы войны — М. Пришвин отмечает малейшие обнадеживающие приметы нашего упорного, нередко драматического противостояния врагу. Он пишет об огромных трудностях и потерях честно и бесстрашно, размышляет о природе мужества и воинского подвига, о жизни и смерти, о характере русского человека, русского народа. «Наша история похожа на историю торфяных накоплений в лесах: заложенная в зелени растений солнечная сила, огонь, не действует, а киснет в воде и накапливается столетиями зеленая снаружи и черная во внутренней массе. Но стоит высушить торф, и скопленная огненная сила действует, и снова не вода, а огонь определит движение»³¹.

Казалось бы, такое неподходящее время для философии и творчества, труднейшие бытовые условия, непосильные заботы о хлебе насущном, о выживании, — но писатель не поддается унынию. Он не только сам глубоко верит в победу разума и света, но и внушает это чувство всем окружающим, в этом сознании находит источник для своего творчества.

Вот лишь некоторые записи из его дневника тех лет. «Отправил в “Правду” “Моему другу на фронт”. Встреча с Рыбниковым. Рыбникову дорога Третьяковка, и, укладывая картины с другими художниками, он нажил себе уверенность и решимость не давать сокровищ русской культуры немцам. Весь народ поднялся», — отмечает он 5 июля 1941 года³². «...Всякий знает, что Россия останется неразбитой страной и без Москвы, а немцы придут в Москву в существо своем разбитыми. Они и теперь разбиты, потому что их расчет был на ненависти к большевикам. В этом они просчитались...»³³. «Я буду считать подвигом, победой, великим счастьем, если я в результате борьбы за жизнь напишу свою Песнь Песней»³⁴. Отчаявшемуся собеседнику М. Пришвин отвечает: «— Так, милый, нельзя думать ... что если моя деревня взята, значит, взята и родина»³⁵. Он задумывается над тем, как добиться того, чтобы «проповедь любви» нашла себе «место во время войны...»³⁶.

* Эти годы подробно описаны В. Д. Пришвиной в публикации «Жизнь как слово» (журнал «Москва», 1972. № 9; 1975. № 12).

Перед самой войной в журнале «Новый мир» была прекращена публикация его книги «Лесная капель», в том же журнале появилась статья, в которой Пришвина упрекали в «аполитичности», «несвоевременном обращении к цветочкам и листикам». Сам писатель был не согласен с такой оценкой его книги, боролся за нее и оказался прав. «Лесная капель» вышла отдельным изданием в самый разгар войны, в 1943 году, и получила высокую оценку читателей и критики, она была названа «симфонией в прозе», «гимном радости жизни и любви»*. По сути, эти слова можно отнести и к другим произведениям М. Пришвина, написанным в годы войны.

Афористически звучат в те годы его размышления о силе Слова: «Я подумал: сколько чугуна пошло на Днепрострой, на Донбасс, — и все взорвано, страна пуста, как во время татар или в “Слове о полку Игореве”. Но вот оно “Слово” лежит, и я знаю, по Слову этому все встанет, заживет. Я так давно занят был словом и так недавно понял это вполне ясно: не чугуном, а Словом все делается»³⁷.

Прямым откликом на события военной поры явились его «Рассказы о ленинградских детях» (1942–1943) — впервые эти рассказы печатались в газете «Красная звезда», в журнале «Новый мир», позже вышли отдельным изданием. В них рассказывается о судьбах и жизни детей, вывезенных из блокадного Ленинграда и явившихся недалеко от Усолья. Цикл рассказов отличает присущая Пришвину сердечность, тонкое знание детской души, психологии; за внешне простыми, даже наивными историями и сюжетами ощутима глубина и мудрость, вера в то, что добро одолеет зло, хотя борьба между ними трудна и драматична.

В 1943 году М. Пришвину исполняется 70 лет, его награждают орденом Трудового Красного Знамени, принимают в Кремле. Не случайно именно в эти годы он приходит к выводу: «Истинный художник не может быть аполитичным...»³⁸, хотя, конечно, понимает это по-своему, по-пришвински; «...хоть собирайся ... на войну», — записывает он тогда же.

* Обращаясь к тем, кто негативно отнесся к его поэме «Фацелия» (из книги «Лесная капель»), он записывает в своем дневнике: «...я хотел открыть мир, за который надо вести священную войну, а они испугались, что открываемый ею мир красоты в природе помешает обыкновенной войне» (Пришвин М. Собр. соч. Т. 8. С. 401).

Еще записи из дневника на эту тему: «— Я пишу, — ответил я, — только не удивляйтесь, не для войны, а для мира. Война пройдет: я не могу писать для преходящего. После войны будет мир, так вот я для того мира пишу». (Там же. С. 421). И повторял вновь и вновь: «...мы уверены в том, и знаем, что наше время придет, как все знают, что, рано ли, поздно ли, война кончится» (Там же. С. 422). «И назначение писателя во время войны именно такое, чтобы творить будущий мир». Он ждал конца войны, «как голодный ждет хлеба» (Там же. С. 433.).

Еще одна книга Пришвина — «Повесть нашего времени» — была написана в 1944–1945 годы и опубликована при жизни писателя лишь частично. В ней также нашли отражение реальность военного времени, однако подлинный смысл произведения, как всегда у М. Пришвина, глубже и содержательнее. И здесь в центре главная, излюбленная мысль писателя — неуничтожимая сила жизни, любви, дружбы, родственного внимания, раздумья о русском характере, русском народе. Он не раз подчеркивал, что пишет свои книги не для войны, а для мира. «Война пройдет, книга останется» — его слова. Как известно, это нередко вызывало непонимание, возражения у сторонников «прямой речи» в литературе. Однако М. Пришвин с первых шагов искал свою, неповторимую тропу, свой «путик» — не отступил он с него и в годы войны. И это в конечном счете обеспечивало успех его новым произведениям — в том числе и его широко известной повести «Кладовая солнца», написанной и опубликованной сразу после войны.

Война — это «болезнь всего человечества», убежден Пришвин, в ходе которой убийство становится оправданным, почти естественным, «нормальным» делом; человек перестает чувствовать «личную ответственность» за убийство. «Общая (тотальная) война есть последствие личной безответственности в убийстве. Задача писателя после этой войны довести это по мере сил до более широкого сознания»³⁹.

«Чувство родины, — верит он, — сейчас связалось у всех с концом войны: кончится война, сделаем все последнее дружное усилие для конца и тогда все то хорошее, чего мы ждем, будет родиной»⁴⁰. «Там (на войне. — В. С.) у людей очень много дружбы, и я верю, что это они привезут ее к нам после войны».

Он ощущает радость победы, свою слитность с ликующим народом, и в то же время его не перестают беспокоить тревожные мысли о будущем, о мире после войны*. М. Пришвин делает неожиданно трезвый и чрезвычайно важный вывод на будущее: «Теперь, когда немцы обманули, тут уже Америка не купит нас консервами. На каждой улице теперь мальчишки гоняют и гремят консервными банками. Это не банки — это русские косточки гремят. Нет, теперь уже не обманешь, не купишь. Русский народ впервые понял себя: не на стороне спасение, а в себе»⁴¹.

---

* Его мысли о будущем человечества глубоки по существу и оригинальны по форме. Вот одна из них: «Сама планета в опасности — это факт великий, но еще больше тот факт, что каждому через 5–6 часов есть хочется. И если даже планета с одной стороны загорится, то люди на другой стороне будут биться за кусок хлеба, пока можно будет терпеть подходящий жар» (Пришвин М. Собр. соч. Т. 8. С. 471).

4.

Как уже отмечалось, творчество писателей в годы войны в значительной мере питалось личными впечатлениями. Многие из них не раз выезжали на места боевых действий, принимали непосредственное участие в операциях.

В 1942 году М. Шолохов был на Южном фронте; газета «Правда» печатает его очерки, зарисовки из цикла «На юге». В них писатель рассказывает о злодеяниях фашистов, об их зверствах на оккупированной территории. Во имя чего немцы воюют? Есть ли у них идея? «Идея-то их в мешок влезает», они — обыкновенные грабители. В том же году М. Шолохов пишет «Письмо ленинградцам» — оно передается по радио в дни ленинградской блокады. «Мы знаем, как тяжело вам жить, работать, сражаться во вражеском окружении, — говорил писатель. — О вас постоянно вспоминают на всех фронтах и всюду в тылу...»⁴².

В 1943 году М. Шолохов в своем обращении к «американским друзьям» отмечал: «Конечно, против врага надо стрелять и статьями, и очерками, но если уж нам, русским писателям, выйти на поле боя, то мы должны ударить тяжелой артиллерией нашего искусства»⁴³. Такой тяжелой артиллерией он считает и свой роман «Они сражались за Родину», который он писал в то время*.

Еще большее эмоциональное звучание придает обращению личный мотив: «Я был на Южном, Западном, Юго-Западном фронтах и видел, какое бедствие несет с собой гитлеровская армия. Я долго был в разлуке с семьей. В июле 1942 года в станице Вешенской погибла от немецкой бомбы моя семидесятилетняя мать...»⁴⁴.

Но, конечно, он думает не только о своих родных, о своей семье; его сердце болит, когда он видит, что оставляют после себя гитлеровские изверги: «Я видел своими глазами дочиста сожженные станицы, хутора моих земляков — героев моих книг, видел сирот, видел людей, лишенных крова и счастья, страшно изуродованные трупы, тысячи искалеченных людей. Все это принесли в нашу страну гитлеровцы по приказу своего одержимого манией крови вождя» («Письмо американским друзьям», 1943)⁴⁵.

Творчество М. Шолохова военных лет питали многочисленные живые впечатления, которые он получал, бывая на различных

---

* Говоря об американской помощи, М. Шолохов признавал: «Советский народ ощущает эту помощь и благодарен, но настоящая боевая дружба между двумя бойцами не может быть основана на том, что один сражается и идет в смертельный бой, а другой, подбрасывая ему патроны, хлопает в ладоши и кричит: “Браво, ты хорошо дерешься!”» (*Шолохов М.* Собр. соч. Т. 8. С. 123–124).

участках и фронтах, своими глазами видя и зверства фашистов, и героизм советских бойцов и командиров.

Андрей Платонов, как и многие другие писатели, был эвакуирован из Москвы, некоторое время жил в Уфе. Однако с 1942 года он стал корреспондентом «Красной звезды» и также часто выезжал на места боевых сражений. Свои рассказы, корреспонденции, очерки он печатал в газете «Труд», журналах «Знамя», «Новый мир», «Октябрь», «Красноармеец», в других изданиях. Платонов бывал на нескольких фронтах — на Курской дуге (лето 1943 года), на Украине (1944), в Белоруссии. За годы войны он выпустил несколько сборников по военной тематике: «Под небесами Родины» (1942), «Броня» (1943), «Рассказы о Родине» (1943), «В сторону заката солнца» (1945).

В одном из своих писем жене М. А. Платоновой (1944) он так формулировал свою писательскую задачу: «Изобразить то, что в сущности убито, — не одни тела. Великая картина жизни и погибших душ, возможностей. Дается мир, каков бы он ни был при деятельности погибших, — лучший мир, чем действительный: вот что погибает на войне — убита возможность прогресса»⁴⁰. Двумя же годами ранее А. Платонов писал: «...Русский солдат для меня святыня, и здесь я вижу его непосредственно. Только позже, если буду жив, я опишу его»⁴⁷. И еще: «...мной руководит воодушевление их (наших солдат. — В. С.) подвигом».

«Русский солдат» как «святыня» — таким он предстает, например, в его рассказах «Труженик войны» (1943), «Маленький солдат» (1943), целом ряде других*. Главный герой рассказа «Труженик войны» — Иван Толокно, для него война это тяжелая работа, продолжение нелегкого крестьянского труда. «Саперы привычно взялись за земляную работу; она им напоминала пахоту, и бойцы отходили за ней душой, и чем глубже, тем в земле было теплей и покойней» (С. 349). И далее: «Он работал всю жизнь, он уставал до самых своих костей, но в груди его было терпеливое сердце, надеявшееся на правду. А теперь в него стреляют из пушек. Теперь злодеи хотят убить одного труженика, чтобы самая память об Иване исчезла в вечном забвении, словно человек и не жил на свет» (С. 350). «Ну, нет, — сказал Иван Толокно. — Я помирать не буду, я не могу тут оставить беспорядок, без нас на свете управиться нельзя» (там же). В этих ем-

---

* «Еще недавно эти люди, — пишет Платонов о своих героях, — заново строили свою родину: теперь они строят вечное добро победы человечества над врагом. Их руки не могли бы столь много работать, и тело не стерпело бы постоянного измощающего напряжения, если бы сердце их было пустым, не связанным тайным согревающим чувством со всеми людьми, со всем тихим миром жизни» (Платонов А. Чутье правды... С. 347).

ких фразах-формулах без труда узнается автор «Чевенгура» и «Котлована» с его обостренным взглядом на привычные вещи, неповторимым голосом, парадоксальным отношением к миру.

В «Маленьком солдате» рассказывается о детях на войне. Герою — Сереже Лабкову нет еще десяти лет, но «ребенок знал уже, что такое даль расстояния и время войны, — людям оттуда трудно вернуться друг к другу. Поэтому он не хотел разлуки, а сердце его не могло быть в одиночестве, оно боялось, что, оставшись одно, умрет» (С. 352). Сережа Лабков «всхрапывал во сне, как взрослый, поживший человек, и лицо его, отошедши теперь от горести и воспоминаний, стало спокойным и невинно-счастливым, являя образ святого детства, откуда увела его война» (С. 354).

В 1946 году А. Платонов вновь обратился к теме войны — он написал рассказ «Возвращение»; в нем остро звучит мотив потерь, той цены, которую наш народ заплатил за войну. Писатель не утешал: он понимал, что после войны будет еще труднее, чем было до войны. Скорее всего это и не понравилось блюстителям партийности и «праздничности» в литературе, объявившим рассказ Платонова «клеветническим». Такая оценка практически перечеркивала все довоенное и военное творчество писателя.

По многим военным дорогам прошел Василий Гроссман. Он был военным корреспондентом «Красной звезды» на Юго-Западном, Брянском, Сталинградском, Белорусском, Украинском фронтах. В 1942 году Гроссман создал повесть «Народ бессмертен» — одно из первых крупных произведений о войне в прозе. В ней писатель правдиво рассказал о зверствах фашистов, убедительно показал силу духа и мужество наших людей. Особое место в творчестве В. Гроссмана заняла тема Сталинграда, ей была посвящена книга очерков «Сталинград», другие произведения; уже после войны был написан роман «Жизнь и судьба», имевший сложную творческую судьбу.

Своими глазами видел войну Александр Твардовский, который также побывал на многих фронтах Великой Отечественной. Он был специальным корреспондентом ряда фронтовых газет (Юго-Западный, Белорусский фронты), регулярно печатался в «Правде», «Комсомольской правде», «Красной звезде». За годы войны выпустил немало поэтических книг; среди них — «Из фронтовых стихов» (1941), «Дом бойца», «Стихи о войне», «Баллада о Москве», «Слово ненависти» (1942), «Возмездие», «Смоленщина», «Фронтовая хроника». Особое место в творчестве поэта, во всей советской поэзии военных лет принадлежит поэме «Василий Теркин». Книга про бойца» (1941–1945). Отличительные черты поэзии А. Твардовского — проникновенный лиризм, народность языка, воссоздание правди-

вого образа войны, тема ответственности живых перед погибшими (стихотворение «Я убит подо Ржевом» и др.).

Всю войну в действующей армии провел Константин Симонов — член ВКП(б) с 1942 года, комиссар, подполковник. Он был специальным корреспондентом «Красной звезды», других газет и журналов. Участвовал в боевых операциях, присутствовал на Нюрнбергском процессе. Особый отклик получили такие его стихотворения, как «Жди меня» (1941), «Убей его» (1942). В годы войны им были написаны пьесы «Русские люди» (1942), «Так и будет» (1944), повесть «Дни и ночи» (1943), сборники очерков и рассказов.

«С Девятым танковым корпусом я дошел до Берлина», — писал о себе Михаил Светлов⁴⁸. С первых дней войны поэт был корреспондентом газеты «Красная звезда» на Ленинградском фронте, сотрудником других военных изданий. В июле 1941 года в стихотворении «Клятва» он писал: «Я клянусь, государство мое, — // Ярость война, тяжесть свинца // Во врага погрузить до конца!» Главные мотивы его стихов и поэм того времени — ненависть к врагу и «русское мужество» в борьбе. «И ненависть в сердце храни», — призывает он («Священное слово»). Ленинград в его стихах — «колыбель мужества», «ненависть по жилам, как электричество течет» («Ленинград»). Одно из лучших стихотворений М. Светлова — «Итальянец» (1943): «Молодой уроженец Неаполя! Что оставил в России ты на поле?» — с гневом спрашивает поэт убитого им врага.

В октябре 1942 года Борис Пастернак возвратился в Москву, его квартира оказалась занятой зенитчиками... Поэт просит командировать его на фронт. Вместе с группой писателей он едет в места недавних ожесточенных боев на Орловско-Курской дуге. Вс. Иванов рассказывал, что Пастернак «очаровал в армии всех, начиная от солдат и до генералов. Очаровал своей храбростью, простотой и увлекательными речами»⁴⁹.

Б. Пастернак по просьбе командования пишет «Воззвание к бойцам Третьей армии», создает очерки «Освобожденный город», «Поездка в армию» — впечатления от поездки. Менее удачным оказался замысел поэмы «Зарево» — от нее остались отдельные стихотворения, часть из которых была опубликована в газетах.

* Вс. Иванов об этом же писал в дневнике: «...Пастернак быстро поворачивался к собеседникам, широко раскрыв глаза, водил руками, губы его дрожали. Он говорил ярко, патриотично, возвышенно и — с юмором. И казалось, что и в стихах его, — как и в речи, — нет никакой сложности, все легко, оптимистично, поэтично, убедительно... Они поняли Пастернака, быть может, лучше, чем всех нас. Талант, по-видимому, всегда понятен» (Иванова Т. Мои современники... С. 417). И еще: «Вот упрекают Бориса, что он пишет непонятно для масс. Разговаривал он в армии со всей своей обычной манерой, с присущей ему образностью, а все отлично его понимали» (там же).

В конце 1943 года Б. Пастернак ощутил определенное ужесточение «духа времени» — оно прозвучало прежде всего в докладе А. Фадеева, сделанном в Союзе писателей 30 декабря. В этом докладе Пастернак был подвергнут критике (наряду с К. Фединым, М. Зощенко, И. Сельвинским, Н. Асеевым) за «идеологическое искривление» (С. 570).

Некоторые стихи Пастернака, заказанные ему газетами и посвященные актуальным событиям (например, освобождению Одессы), не были напечатаны — из-за «усложненной образности» и «излишней натуралистичности» (С. 572). Это не могло не огорчать поэта. «Горе мое не во внешних трудностях жизни, горе в том, что я литератор, и мне есть что сказать, у меня свои мысли, а литературы у нас нет и при данных условиях не будет и быть не может...», — писал он (С. 574). Цикл военных стихов, включенный в сборник 1945 года «Земной простор» (всего за годы войны Пастернак выпустил три сборника), в одной из рецензий (А. Тарасенков, журнал «Знамя») подвергся критике за то, что якобы эти стихи сухи и риторичны, что они лишены того «артистизма, с каким он писал раньше и пишет теперь о природе, любви, об искусстве». В целом же в годы войны творчество поэта получило дополнительные творческие импульсы, они во многом положительно сказались на его поэзии; хотя неверно было бы не признать, что в эти же годы возникали новые импульсы и мотивы, новые образы и сюжеты, которые потребовали своей реализации, — но это уже будет другое время и во многом другой Пастернак.

В 1943–1944 годы А. Толстой работал над циклом «Рассказы Ивана Сударева». Материал для рассказов он находил во время своих нередких встреч и бесед с теми, кто не понаслышке знал о положении на фронте, о зверствах фашистов, героизме советских людей. Так, летом 1942 года он встречался со слушателями одной из военных школ; тогда же в Калуге он беседовал с бойцами и командирами 1-го гвардейского конного корпуса под командованием генерала П. Белова. В основу одного из лучших рассказов цикла — «Русский характер» — был положен случай, о котором он услышал от зам. редактора газеты «Красная звезда» А. Я. Карпова (впервые рассказ был напечатан в этой газете 7 мая 1944 г.).

Личные впечатления от посещения боевых мест были положены и в основу известных произведений Л. Леонова, созданных в то время. Так, в ноябре — декабре 1943 г. писатель побывал на фронте в районе Киева, в танковых частях генерала Рыбалко; в итоге была написана его повесть «Взятие Великошумска».

Тогда же Л. Леонов в качестве корреспондента газеты «Известия» присутствовал на судебном процессе над гитлеровскими пре-

ступниками в Харькове и написал об этом несколько материалов. «В последний месяц я обошел много мест на Руси и на Украине и вдоволь насмотрелся на твои дела, Гитлер, — писал он. — Я видел города-пустыни, вроде каменного мертвеца Хара-хото, где ни собаки, ни воробья, — я видел стертый с земли Гомель, разбитый Чернигов, несуществующий Юхнов. Я побывал в несчастном Киеве и видел страшный овраг, где раскидан полусожженный прах ста тысяч наших людей. Этот Бабий Яр выглядит как адская река пепла, несущая в себе несгоревшие детские туфельки вперемежку с человеческими останками»⁵⁰.

Страшные картины разрушений и издевательств захватчиков над советскими людьми рождали горькие и яростные строки: «Прочти его (обвинительный акт гитлеровцам. — В. С.), советский солдат, перед тем, как идти в атаку, — сквозь знойную декабрьскую поземку, сквозь крепкий морозец нашей зимы, — и самые прославленные узлы ... обороны не покажутся тебе неприступными»⁵¹.

Писатель сопрягает виденное — «на самом дне Нижне-Чарской ямы» лежат «скорченные детские тела», и осознание «великой истины, которую обязан извлечь оттуда и понять мир». Вот она, эта «великая истина»: «Так жить больше нельзя, нельзя есть и спать спокойно, пока безыменная девчоночка, к которой никто не пришел на помощь, кричит у песчаного карьера: “Дяденька, я боюсь”». И если бы «не тысячи, а только сто, даже десять, даже три таких убийства совершились на глазах у мира, и промолчал бы мир эту оплеуху подлецов, он не имел бы право на самое свое дыхание...». Однако, убежден Леонов, «есть правда, и есть кому защищать ее, и есть железо, чтобы отомстить за нее... Слушай нас, маленькая, из братской ямы в Нижне-Чарской станице. Мир поднялся на твое отмщение. О, негодяи еще слезами омоют планету, забрызганную кровью из твоей простреленной шейки!»³² Эти пронзительные строки не могли не затронуть читателя, не вызвать ответного отклика в сердцах воюющих.

В 1944–1945 гг. Леонов выступал в Большом театре с речью и докладом на юбилеях А. Чехова (40-летие со дня смерти), А. Грибоедова (150-летие со дня рождения). Он говорил о большом значении русской культуры, ее гуманистической сущности, о необходимости защитить и отстоять ее в схватке с фашизмом.

Ряд статей Л. Леонов посвятил нашей победе («Утро Победы», опубликовано в «Правде» от 30 апреля 1945; «Весна народов», «Правда», 1 мая 1945; «Русские в Берлине», «Имя радости», там же 7 и 11 мая 1945). Писатель как корреспондент «Правды» присутствовал на Нюрнбергском процессе (см. его статьи на эту тему: «Людоед готовит пищу», «Гномы науки» и др.).

Как и многие другие писатели, Вс. Иванов внимательно следил за военными событиями, оперативно откликался на них, охотно выезжал на фронт, как только была малейшая возможность, встречался с бойцами. Все это также становилось материалом для его статей, очерков, художественных произведений. «Вчера был на заводе, где вырабатывают “Катюши”», — отмечал он в дневнике. Летом 1943 года состоялась его поездка на фронт в составе группы, в которую входили А. Серафимович, К. Федин, Б. Пастернак, К. Симонов и др. Такие поездки состоялись и в последующие годы. «Я посетил части, — встречался с любопытнейшими людьми и записал много, — писал он в 1945 году. — Сейчас думаю сделать очерк о кавалерии»⁵³. «Езжу и вижу много, — продолжал он. — Видел много любопытных и замечательных людей» (там же).

Накопленный опыт позволял ему писать жене в апреле 1943 года: «Мы пережили эвакуацию, отступления, голод, тифы, а в Союзе писателей, — на последнем совещании, — все еще говорят, что писатели мало знают жизнь». Ему не нравилось, что в нем видели лишь автора «Бронепоезда 14–69» и «Партизанских повестей». Он соглашался написать книгу о партизанах — «В тылу врага», но ему хотелось расширить круг тем, осуществить замыслы, которые зачастую не находили должной поддержки... Вот откуда эти слова в его дневнике: «Мне почему-то усиленно предлагается “великий пост”, но никогда я не вижу Пасхи» (С. 162)*.

Он работает над фильмом «Пархоменко», пишет роман «Проспект Ильича», собирает материал для романа об Александре Македонском, сочиняет пьесу «Ключ от гаража», сценарий «Хлеб»... Роман «Проспект Ильича», который он писал «кровью сердца», как скажет позже его жена (С. 121), был хорошо встречен писательской колонией в Ташкенте, его сначала приняли в журнале «Новый мир», но в конечном счете он был признан произведением «надуманным» и опубликован не был. «История с романом не дает мне покоя», — пишет он в своих дневниках. Другой роман — «При взятии Берлина» — был напечатан в журнале «Новый мир», но удовлетворения писателю не принес**.

* В одном из писем жене он полушутливо сообщал: «Мне очень понравилась речь Уоллеса. Там обо мне сказано, — насчет меньшинства, поскольку я меньшинство в нашем доме. Раз меня не защищает Союз писателей, я жду помощи от Уоллеса...» (Иванова Т. Мои современники... С. 164). Здесь, пожалуй, особенно характерно это ощущение писателем себя как «меньшинства» в писательском сообществе.

** В этой связи Т. Иванова не без оснований писала: «С моей точки зрения, роман испортило стремление Всеволода вставить во что бы то ни стало ... образ легендарной личности. Гармоничного целого не получилось и не могло получиться» (См.: Иванова Т. Указ. соч. С. 174).

Не были также опубликованы пьеса «Ключ от гаража», сценарий «Хлеб»; а в столе лежали не напечатанные романы «Кремль» и «У», которые он писал перед войной и к которым постоянно возвращался. Не давало покоя и негативное отношение издателей к сборнику 20-х годов «Тайное тайных», в котором видели мистику, гофманианство. Все это создавало неблагоприятный фон для творческого развития писателя, мешало свободной реализации сокровенных художественных замыслов, что и находило свое отражение в его письмах, дневниках.

5.

Итак, для писателей, как и для всех советских людей, война была тяжелым испытанием. Но в то же время, как признавали многие, она стала для них и периодом их творческого и гражданского роста, временем, созвучным тому духовному и патриотическому подъему, который — при всех тяготах и трагических моментах войны — испытал народ, что и позволило ему в конечном счете одержать победу. Как мы видели, для большинства писателей не было проблемы, «за кем идти, в каком сражаться стане» — весь свой талант и силы они отдавали борьбе с врагом; своим главным «оружием» — словом — активно и самоотверженно приближали победу. Однако нельзя замалчивать и тот факт, что было немало и таких писателей, в том числе ярких, талантливых, для которых переход на «военные рельсы» — в прямом и переносном смысле, перестройка своего творчества в соответствии с новыми, актуальными задачами дня давались нелегко и не всегда правильно воспринимались и оценивались критикой (А. Ахматова, А. Платонов, Б. Пастернак, М. Пришвин, К. Паустовский, Вс. Иванов и др.).

Наконец, были и писатели, чьи судьбы во время войны сложились драматично. Уже говорилось о М. Цветаевой. Назовем здесь еще несколько имен.

Иванов-Разумник (1878–1946) — критик, историк литературы, автор двухтомной «Истории русской мысли» (1906) — в 30-е годы дважды арестовывался, но его быстро освобождали. Перед войной он жил под Ленинградом (Пушкин); верил в нашу победу. Немцы выслали его в Гатчину, с 1942 по 1943 год он вместе с женой находился в лагере для перемещенных лиц. Сотрудничал в газетах «Новое слово» (издавалось в Берлине на русском языке), где ему принадлежат в основном статьи по истории литературы. Последние три года Иванов-Разумник жил в Германии (умер в Мюнхене в 1946 г.). Известна его книга очерков «Писательские судьбы» (1942–1943), в которой дается критическая оценка советской литературы 20–30-х годов⁵⁴.

Не менее драматичной была судьба еще одного замечательного русского писателя Варлама Шаламова. Накануне войны он был арестован (вторично), всю войну провел на Колыме (до 1953 года; получил дополнительный срок за то, что назвал И. Бунина великим русским писателем). Уже после войны он написал известную книгу «Колымские рассказы», в ней немало сюжетов о военном времени.

Сегодня хорошо известны «хождения по мукам» Александра Солженицына. В 1941 году он окончил Ростовский университет, в октябре того же года был призван в армию, с конца 1942 до февраля 1945 г. находился на фронте, был награжден двумя орденами. В феврале 1945 года был арестован за переписку с другом детства: в письмах содержались резкие критические высказывания в адрес Сталина, за что А. Солженицын был осужден по 58 статье на 8 лет. Военная тема в его творчестве присутствует вплоть до произведений последних лет.

Особого — и отдельного — разговора заслуживает творчество русских писателей, которых война застала в эмиграции (И. Шмелев, В. Набоков, Б. Зайцев и др.). Их отношение к войне было сложным, во многом противоречивым: они желали победы России, но в то же время их ненависть к советской власти не позволяла им искренне радоваться и принимать эту победу; их патриотизм был с привкусом горечи...

И все же, подводя краткие итоги, следует признать, что в годы войны советские писатели жили общими интересами и трудностями вместе с народом. «Мобилизованные и призванные», они принимали активное участие в борьбе с врагом; музы в годы войны не молчали, литература и искусство были острым оружием; особое внимание уделялось оперативным жанрам — публицистике, стихотворным жанрам, песне, очерку, рассказу. Создавались и произведения крупной художественной формы — романы, повести, пьесы. Писатели участвовали в сражениях на фронтах Великой Отечественной войны, большинство из них работали корреспондентами центральных и фронтовых газет, рассказывая о зверствах фашистов, о боевых действиях, героизме наших людей и т. д. Очевидны достижения литературы в годы войны. Однако были и свои немалые проблемы и трудности ее развития как объективного, так и субъективного характера.

С первых же дней войны осуществлялось партийное руководство литературой и искусством: проводились совещания, дискуссии по отдельным проблемам художественного творчества; немалое внимание уделялось деятельности Союза писателей, обсуждению организационных, воспитательных и творческих вопросов. Как отмечали многие писатели, некоторое ужесточение партийного руко-

водства началось с 1943 года: возобновились «проработки» отдельных писателей, строже стала цензура, принимались постановления, направленные на усиление идеологического контроля за литературой и искусством (кино, театр).

Союз писателей в годы войны оказывал необходимую помощь писателям в бытовых и творческих вопросах; в частности, большое внимание уделялось жизни и творчеству писателей в эвакуации. Проводились обсуждения отдельных произведений, авторов, организовывались творческие вечера, выступления писателей перед слушателями, на радио, проходили заседания и пленумы творческого союза.

Большинство произведений, написанных в годы войны, печаталось в литературно-художественных журналах. Их периодичность сократилась, как и штат сотрудников, однако журналы по-прежнему оставались центрами литературного процесса⁵⁵.

Одним из ведущих литературных журналов военно-патриотического содержания был журнал «Знамя»*. В годы войны в нем были опубликованы: повесть Ю. Либединского «Гвардейцы», произведения (или отрывки из них) В. Гроссмана «Народ бессмертен», Г. Березко «Командир дивизии», А. Бека «Волоколамское шоссе», А. Фадеева «Молодая гвардия», К. Симонова «Дни и ночи». В разделе поэзии печатались стихи А. Твардовского, В. Инбер «Почти три года» (Ленинградский дневник), поэмы М. Алигер «Зоя», А. Кулешова «Знамя бригады», П. Антокольского «Сын», пьесы А. Крона «Офицер флота», В. Вишневского «У стен Ленинграда» и др.

Журнал «Новый мир», как и другие журналы, публиковал фронтовые очерки, репортажи, публицистику, стихи, а также произведения крупной формы. На его страницах в годы войны появились: повесть «Взятие Великошумска» Л. Леонова, его же пьесы «Нашествие» и «Ленушка», роман А. Калинина «На Юге», «Рассказы Ивана Сударева» А. Толстого, рассказы Л. Соболева из цикла «Морская душа», «Март — апрель» В. Кожевникова. На страницах журнала заметное место занимали произведения исторического жанра — повесть В. Яна «Батый», киносценарий С. Эйзенштейна «Иван Грозный», роман С. Сергеева-Ценского «Пушки выдвигают», главы из романа А. Толстого «Петр I» и многие другие.

В журнале «Октябрь» (в годы войны он также выходил преимущественно сдвоенными номерами) напечатали свои произведения военных лет: В. Василевская (роман «Радуга»), Б. Горбатов («Непокоренные»), В. Катаев («Сын полка»), В. Каверин («Два капитана»), А. Чаковский («Это было в Ленинграде»), А. Первенцев («Огненная

* Он возник в 1931 году как орган литературного объединения писателей Красной Армии и Флота (ЛОКАФ).

земля»), Ф. Панферов и др. Читатели этого журнала имели также возможность познакомиться со стихами и поэмами Е. Долматовского, А. Кулешова, М. Танка, произведениями других поэтов.

Как и в других литературных журналах, в «Октябре» были опубликованы произведения историко-патриотического содержания («Багратион» С. Голубова, «Емельян Пугачев» В. Шишкова, «Иван Грозный» А. Толстого и др.).

Немало интересных произведений прозы и поэзии, других жанров было напечатано в популярном журнале «Огонек». Первый «военный» номер журнала вышел уже 25 июня 1941 г. Среди авторов журнала в разное время были поэты В. Лебедев-Кумач, И. Уткин, Дж. Алтаузен, П. Шубин, прозаики П. Нилин, И. Оренбург, А. Толстой, Е. Петров, Вс. Иванов...

Яркие художественные произведения поместили на своих страницах в годы войны ленинградские журналы «Звезда» и «Ленинград». Так, в «Звезде» печатались отрывки из романа В. Саянова «Небо Ленинграда», поэмы В. Инбер «Пулковский меридиан», А. Прокофьева «Россия», М. Дудина «Костер на перекрестке» и др.⁵⁶ Журнал «Ленинград» (1940–1946) печатал стихи А. Ахматовой, О. Берггольц, А. Прокофьева, В. Шефнера и др.

...В годы Великой Отечественной войны советские писатели, литература в целом жили трудной, но полнокровной жизнью; они выдержали испытание временем, самой историей. Но война подходила к концу, и надо было думать о том, как жить дальше, как восстанавливать разрушенное, думать о мирной жизни, о новых творческих планах.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Всего к 1942 году в стране выходило немногим более 4,5 тысяч газет (в 1940 году — 8,8 тыс.). Сократилось и количество журналов. Уменьшилась их периодичность (многие журналы, в том числе литературные, выходили сдвоенными номерами) // См. об этом в к/т: Великая Отечественная война. 1941–1945. Энциклопедия. М., 1985.

² Леонов Л. Собр. соч.: в 10 т. М., 1984. Т. 10. С. 83.

³ Шолохов М. Собр. соч.: в 8 т. М., 1975. Т. 8. С. 78.

⁴ Там же. С. 83.

⁵ Там же. С. 97.

⁶ Там же. С. 114.

⁷ См.: Юрий Оклянский. Федин. М., 1986. С. 248.

⁸ Илья Эренбург. Люди, годы, жизнь. Воспоминания в трех томах. М., 1990. Т. 2. С. 232.

⁹ Там же. С. 260.

- ¹⁰ Там же. С. 242.
- ¹¹ Там же. С. 262.
- ¹² Там же. С. 325.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ См.: Иванова Т. Мои современники, какими я их знала. М., 1984. С. 121.
- ¹⁵ Там же. С. 132.
- ¹⁶ Ахматова А. Избранное. М., 1974. С. 545.
- ¹⁷ Пастернак Е. Борис Пастернак. Материалы для биографии. М., 1989. С. 550.
- ¹⁸ Там же. С. 552–553.
- ¹⁹ Там же. С. 552.
- ²⁰ Там же. С. 55.
- ²¹ Леонов Л. Собр. соч.: в 10 т. Т. 10. С. 86.
- ²² Там же. С. 109–110.
- ²³ Там же. С. 119.
- ²⁴ Пастернак Е. Указ. соч. С. 557–558.
- ²⁵ Иванова Т. Мои современники... С. 412.
- ²⁶ Ахматова А. Избранное. М., 1974. С. 7–8.
- ²⁷ Банников И. Высокий дар // Ахматова А. Избранное. М., 1974. С. 547.
- ²⁸ Ахматова А. Избранное. С. 8.
- ²⁹ Там же. С. 413.
- ³⁰ Иванова Т. Мои современники... С. 137.
- ³¹ Пришвин М. М. Собр. соч.: в 8 т. 1986. Т. 8. С. 450.
- ³² Там же. С. 392.
- ³³ Там же. С. 393.
- ³⁴ Там же. С. 397.
- ³⁵ Там же. С. 398.
- ³⁶ Там же. С. 405.
- ³⁷ Там же. С. 406.
- ³⁸ Там же. С. 458.
- ³⁹ Там же. С. 438.
- ⁴⁰ Там же. С. 442.
- ⁴¹ Там же. С. 468.
- ⁴² Шолохов М. Собр. соч. Т. 8. С. 122.
- ⁴³ Указ. соч. С. 122–123.
- ⁴⁴ Там же. С. 124.
- ⁴⁵ Там же. С. 126.
- ⁴⁶ Платонов А. Чутье правды. М. 1990. (Предисл. и примеч. В. Чалмаева). С. 457.
- ⁴⁷ Там же. Далее сноски на это издание с указанием страниц — в тексте.
- ⁴⁸ Светлов М. Собр. соч.: в 3 т. М., 1974. Т. 3. С. 15.
- ⁴⁹ Иванова Т. Мои современники... С. 416.

Далее сноски на это издание с указанием страниц в тексте.

⁵⁰ Леонов Л. Собр. соч. Т. 10. С. 135.

⁵¹ Там же. С. 134.

Далее сноски на это издание с указанием страниц в тексте.

⁵² Там же. С. 141.

⁵³ Иванова Т. Мои современники... С. 168.

Далее сноски на эту книгу с указанием страниц содержатся в тексте.

⁵⁴ См. публикацию о нем: Иванов-Разумник. Писательские судьбы // Возвращение. Выпуск 1. М., 1991.

⁵⁵ См. об этом: «Журналистика и критика 40 — начала 50-х годов» в кн.: История русской советской литературы: в 3 т. М., 1968. Т. 3, а также: Советские писатели в Великой Отечественной войне. Библиографическая хроника // Новый мир. 1958. № 2.

⁵⁶ См.: В. Мануйлов. Журнал «Звезда» в годы блокады. Звезда. 1984. № 1.